

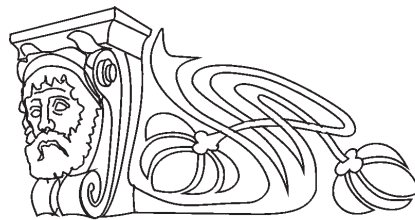

УДК 111+929 Бадью

ПОСТСОБЫТИЙНОСТЬ И СУБЪЕКТ ОТСУТСТВИЯ В ОБЪЕКТИВНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ АЛЕНА БАДЬЮ

В. Г. Косыхин

Косыхин Виталий Георгиевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Саратовский государственный университет
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению онтологического значения концепции объективной феноменологии Алена Бадью, представленной в его работах «Логика миров» и «Второй манифест философии». Автор сравнивает феноменологию Бадью с феноменологическими проектами Гуссерля и Хайдеггера, отмечая ее бессубъектный характер. Растворение онтологического субъекта в связанных с реакцией на события многообразных стратегиях субъективности осуществляется в объективной феноменологии Бадью за счет отказа от инстанции созерцания в пользу этической и политической практики. Особое внимание уделяется проблеме отношения онтологии и математики, а также анализу понятий субъекта и постсобытийности в контексте традиционных для онтологии категорий единого и многого. Делается вывод, что в современной онтологической теории происходит переход от анализа обособленной сущности феномена к анализу совокупности единого–многого.

Ключевые слова: онтология, феноменология, Бадью, постсобытийность, субъект отсутствия, единое, многое.

Завершение постмодернистского проекта философии вследствие угасания его «жизненного порыва» поставило вопрос об иных возможностях и горизонтах движения мышления в современную эпоху. Хорошим примером поисков этих новых горизонтов является объективная феноменология Алена Бадью, представленная в его «Логиках миров» (2006) и «Втором манифесте философии» (2009).

Концепция объективной феноменологии у Бадью, являясь дальнейшим развитием его критики хайдеггеровской и постмодернистской онтологической перспектив, расширяет рамки того платоновского жеста или поворота философии, о котором Бадью говорил еще двадцать лет назад. Она также, на наш взгляд, вполне может служить в качестве пролегоменов к новому мышлению философии, наподобие того как «Алкивиад» Платона или первый трактат «Эннеад» Плотина служат введением в начало платонизма.

Отчетливо ощущаемый в наши дни в онтологии процесс расставания с хайдеггеровской мыслью может принимать самые разнообразные формы. Однако, пожалуй, наиболее концентрированная позиция отхода от предложенной Хайдеггером онтологической перспективы (связанной, в первую очередь, с требованиями преодоления

всей предыдущей «метафизической традиции» посредством категориального различения бытия и сущего и последующего углубленного онто-исторического осмысления сущности нигилизма) сегодня находит свое выражение в осознанной необходимости «платоновского жеста» или поворота философии, о котором говорит А. Бадью. Этот поворот для него означает встречу онтологии и математики, сама возможность которой тщательно игнорируется, если вообще не исключается «сущностно-исторической» хайдеггеровской интерпретацией бытия. В том же направлении двигалась и мысль Алексея Григорьевича Чернякова, который в одной из своих последних работ с весьма примечательным названием «Онтология как математика: Бадью, Гуссерль, Плотин» отмечал, что «если бы философия поняла работу в основаниях математики как часть своей собственной, исконной деятельности, она невероятно бы изменилась и, возможно, нашла бы возможность не оплакивать свою собственную смерть, а продолжить свою историю, сделать еще один, следующий шаг» [1, с. 420].

Исследованию возможностей такого шага в свое время был посвящен фундаментальный труд А. Бадью «Бытие и событие», блестяще, кстати, проанализированный А. Г. Черняковым [1, с. 421; 424–425; 430]. Второй том «Бытия и события», вышедший через восемнадцать лет после первого тома и озаглавленный автором «Логика миров», представляет собой дальнейшее развитие и конкретизацию мысли Бадью. Как он отмечает в предисловии к «Логике миров»: «“Логика миров” занимает по отношению к “Бытию и событию” положение аналогичное положению гегелевской “Феноменологии духа” по отношению к его “Науке логики”, хотя хронологический порядок здесь и обратный» [2, с. 8].

В этом процессе конкретизации мышления ключевая роль, на наш взгляд, отводится концепции «объективной феноменологии». Для понимания её места и значения в системе «Логики миров» вначале необходимо представить контекст проводимой Бадью ретроспективной феноменологической конвертации, которая вы-

полняет функцию в чем-то схожую с процедурой феноменологической редукции у Гуссерля, особенно в том, что касается устранения предрасудков историзма. Если у Гуссерля феноменологическая редукция является условием доступа к анализу феноменов и структур сознания «как они есть» и возвращает сознание «к самим вещам», то у Бадью феноменологическое возвращение означает доступ в область онтологии, где о бытии самих вещей нам говорит математика на языке онтологически переосмысленной теории множеств. Чтобы это возвращение стало возможным, феноменология должна стать объективной, т.е. она не должна удостоверяться, в первую очередь, интроспекцией субъекта, будь то созерцание феноменов у Гуссерля или бытие-присутствие у Хайдеггера. Поэтому гуссерлианская критика историзма принимает у Бадью форму критики онтологического историзма как затрудняющего доступ к подлинной онтологии, с которой имеет дело именно математика. Отсюда вытекает необходимость процесса, названного нами «ретроспективной феноменологической конвертацией». В рамках данного процесса хайдеггеровское понимание феноменологии обратно конвертируется в гуссерлевское, а последнее (в силу своей связи с математически понимаемой объективностью и универсальностью истины) объективируется и онтологизируется в платоновско-математическом ключе, разве что с последующей заменой у самого Бадью идеализма на материализм, а феноменологии – на онтологическую диалектику.

Своеобразие антигегельянской материалистической диалектики Бадью, противостоящей более широким контекстам современных материализма и идеализма, состоит, как мы полагаем, прежде всего, в том, что вместо гегелевского триадического развития мысли от тезиса через анти-тезис к спекулятивному синтезу у Бадью происходит фиксирующее противопоставление тезиса анти-тезису, сохраняющее обе стороны в соотношении друг с другом (единое – многое, онтология – философия и т.п.). Конечно, можно видеть определенную диалектику в том, что многое есть единое, при условии, что единое отсутствует, что онтология есть философия, при условии, что философия отсутствует (ее заменяет математика). Однако подобная диалектика, безусловно, антигегелевская, поскольку не допускает перехода противоположностей друг в друга. Гегель говорил о сущности, которая является, и о явлении, которое существенно. Бадью отнюдь не подразумевает, что онтология философична, а философия онтологична, в этом смысле он всегда предпочитает оставаться скорее формалистом, чем диалектиком. Эта фиксация отношений сторон у Бадью, более математическая, чем собственно диалектическая, выполняет

роль движения от абстрактного к конкретному в классической диалектике. В чем-то это напоминает (в плане «исключения третьего» – этапа синтеза) проект негативной диалектики Адорно, но разница между Бадью и Адорно обнаруживается в трех моментах. Во-первых, у Бадью нет преимущества негативного над утвердительным, обе стороны скорее равноправны, и даже за положительным можно признать определенный приоритет. Во-вторых, синтетическое единство у Бадью все же сохраняется, но в своеобразном, «подвешенном» между сторонами виде, не присутствуя ни в одной из сторон, а скорее даже равно отсутствуя, выступая как некий горизонт мышления или же как некая возможность, осуществляющаяся в форме промежуточных, никогда не окончательных проявлений или решений. Б. Смит, комментируя известное положение «Бытия и события» о том, что единое не относится к бытию, поскольку бытие множественно, а единое нет, отмечает: «Единое для Бадью должно оставаться процессом и, следовательно, само единое в контексте данной операции приписывания условно единого не может быть представлено, будучи всего лишь структурным моментом. Оно показывает то, как представляется множество, но не то, чем это множество является» [3, с. 74]. Этот вопрос о подвешенности единого в силу его принципиального значения для онтологии и феноменологии Бадью будет обсуждаться нами далее.

И в-третьих, это, конечно, отношение к историзму и субъективизму, находящееся под сильным и не всегда признаваемым Бадью влиянием феноменологии Гуссерля периода «Логических исследований». В конце концов, чем еще являются неизменные онто-математические истины Бадью как не еще одной разновидностью гуссерлевской *philosophia perennis*?

В контексте вышесказанного разберем концепцию «объективной феноменологии» более подробно. Она начинается в третьей книге «Логики миров», где Бадью говорит о введении им нового понятия объекта, утверждая, что «главная новизна предлагаемого подхода состоит в его полном отделении от субъекта» [2, с. 193]. Подобную конструкцию объекта «как он есть» Бадью называет бессубъектной и связывает ее не с субъективностью, но с единицей, что подводит нас к понятию математизации онтологического статуса объекта, или, на языке «Бытия и события», к онтологии чистой множественности. Отметим, что анализу субъекта как безотносительного к объекту формального набора страт и слоев Бадью посвятил всю вторую книгу своей работы. Однако при этом речь не касалась феноменологии, обладающей у Бадью радикально десубъективированным статусом, который, собственно, и отличает ее от гегелевской, гуссерлевской или хайдеггеровской версий феноменологии.

Сам субъект является, согласно Бадью, своеобразным аналогом единицы или единства, отсутствующего в том смысле, что он не присутствует как нечто субстанциально единое. Еще в завершении «Бытия и события» субъект у Бадью, пройдя долгий путь к собственной истине, исчезает, чтобы вновь возникнуть в маллармеанском замке чистоты и отсутствия. Поддерживая лакановскую интерпретацию субъекта, Бадью утверждал: «то, что всегда следует иметь в виду, так это то, что субъекта не существует, что теперь больше нет субъектов» [4, с. 434]. Конечно, речь здесь в первую очередь шла об исчезновении с карты современности картезианского субъекта, шаткость и неустойчивость позиций которого была обнаружена помимо структуралистов еще Хайдеггером. И влияние последнего на Бадью, несмотря на принципиальные разногласия между ними, вряд ли имеет смысл отрицать.

Хайдеггерское *Dasein* возникает там, где исчезает картезианский субъект, и вышеприведенная фраза Бадью вполне уместно звучит в контексте размышлений о *Dasein* позднего Хайдеггера. Например, в Цолликонеровских семинарах 1965 г. Хайдеггер говорит: «Таким образом, аналитика *Da-sein* не имеет ничего общего с солипсизмом или субъективизмом <...> преодолевая идею человеческого существа как субъективности сознания» [5, с. 84].

Главным парадоксом, но одновременно наиболее логически последовательно обосновывающим тезисом аналитики *Dasein* является вывод, делаемый на основе изменения понимания самого понятия «бытие»: человеческое существо, понимаемое как *Dasein* в рамках «нового» понимания бытия, принципиально десубъективизировано. Таким образом, перед нами возникает некая предыстория «несуществования субъекта» Бадью, поясняющая, насколько обоснованы периодически возникающие критические упреки последнего в «антигуманизме».

Но вернемся к тому добавочному по сравнению с «Бытием и событием» измерению субъекта или, вернее, его новому истолкованию, которое возникает у Бадью в «Логике миров» и продолжается во «Втором манифесте». Объективная феноменология предполагает полное исключение (вернее, как всегда у Бадью, подвешивание в актуальном не-присутствии) единого или субстанциального субъекта, который, однако, не исчезает полностью, но рассматривается с точки зрения формальных условий возможности своего действия, т.е. политик субъективации. Вместе с тем, на наш взгляд, все-таки можно утверждать, что, исчезая из онтологической и феноменологической областей, субъект у Бадью возникает в областях этики и политики, которыми, по сути дела, и ограничивается, говоря в терминах позднего Гуссерля, его «жизненный мир».

Кантовский трансцендентальный мотив в «Логике миров» проявляется, прежде всего, в формальном понимании субъекта. Бадью предлагает следующее его определение: «Это способ, в согласии с которым тело вступает в отношение субъективного формализма к производству присутствия» [2, с. 594], где субъективный формализм означает четыре возможные реакции (подчинение, отрицание, стирание и наследование) на современность с ее постсобытийным характером отношения к истине.

Три вида субъективного формализма – верный событию, реакционный и обскурантистский – определяют три типа субъектов и три типа политик субъективации, ориентирующих «постсобытийное тело» в современном мире. Они возникают как реакции на события, например, революции. Эти три типа расшифровываются Бадью как психологические предрасположенности, которым соответствуют политические позиции: энтузиазму – революционная (коммунизм), реакционному безразличию – консерватизм или либерализм и враждебному обскурантизму – фашизм. Естественно, что данные типы реакций могут относиться не только к политике, но и к другим областям, таким как область научных открытий или человеческого поведения. Важным же здесь является то, что они, будучи только постсобытийными, не конструктивны (в смысле гуссерлевского *Stiftung*), но реактивны и в этом смысле исключают созерцание как путь к истине субъекта.

Итак, новое понимание объекта приводит Бадью к новому пониманию феномена. Оно базируется на проводимом французским философом принципиальном различии двух видов, или планов бытия: бытия-в-мире, которое есть бытие-множественность, эмпирическая данность, подлежащая изучению в рамках философии, и трансцендентного бытия, т.е. бытия не данного налично-эмпирически, существующего в форме устойчивых математических сущностей или единств, подлежащих изучению со стороны онтологии. Исходя из этого различия, выводящего дискурс онтологии за пределы философии и сопрягающего его с математикой, Бадью устанавливает понятия феномена как результата индексирования или соотнесения любого бытия-в-мире (объекта, представляющего в многообразии различий) с трансцендентным бытием (этого объекта, являющего свою сущность в виде онтологически и математически значимого тождества). Бадью имеет в виду «эффективную связь между бытием-множеством и трансцендентальной схемой его явленности, или его существованием» [2, с. 195].

Следует отметить, что само понятие существования конституируется у Бадью как следствие наличия единства во множественности. Например, утверждая, что этот стул существует, мы

утверждаем наличие его единства как объекта во множестве его качеств и характеристик. Проще говоря, вопрос о самоидентификации объекта есть вопрос привнесения единства его сущности из сферы трансцендентной (онтолого-математической) в сферу эмпирическую. Собственно, феномен есть некое единое-многое в неразрывной взаимосвязи двух его сторон. Он представляет собой цельность, доступную и для философского, и для онтологического анализа как многое в едином и единое во многом. Можно сказать, что такой феномен абсолютно объективен как со стороны своей множественности, так и со стороны единства. Вот как это описывает сам Бадью: «В целом, индексирование является функцией, связывающей любое различие, имманентное множеству, с интенсивностью его проявления в мире. Формальная экспозиция этого проста и понятна: если x и y являются двумя элементами существования A , а T есть искомое трансцендентальное мира, индексирование есть функция тождества $Id(x, y)$, которая измеряет в T степень «явленного» тождества между x и y . Результатом такого трансцендентального анализа различий и является феномен. Отметим, что внутри такого пространства феноменальности становится возможным со всей полнотой исследовать вопрос о существовании как полностью отличающийся от вопроса о бытии» [2, с. 194]. Последнее добавление Бадью, явно противопоставляющее себя онто-герменевтическому способу вопрошания бытия, вовсе не выглядит случайным в свете дальнейшей экспозиции объективной феноменологии с выделением в ней трех степеней, или интенсивностей (максимальной, средней и минимальной) существования объекта. Здесь мы имеем дело с конструированием «трансцендентального функтора» объекта, который «приписывает к каждой трансцендентальной степени группу элементов объекта, общей характеристикой которых является то, что их существование измеряется этой степенью» [2, с. 278]. Иными словами, в рамках объективной феноменологии мы можем говорить о степени полноты выраженности существования объекта в мире – от его возникновения, через пик бытия к угасанию. Это, в свою очередь, делает возможным более детальный анализ феноменов как единых множеств.

Онтология как математика со времен Платона предполагает эйдетико-диалектическое созерцание подобных форм единств, подразумеваемая невозможность рассмотрения бытия как отдельного от бытия-знания. В этом, по сути дела, и состояла роковая ошибка хайдеггеровского онтологического проекта, подвергнутая критике, но так и не исправленная до конца деконструкцией Деррида, содержащей в себе и критику герменевтического историзма, и

пересмотр отношения к метафизике. Бадью совершает следующий шаг, двумя платоновскими жестами возвращая онтологию и философию к до-хайдеггеровской проблематике. Хотя это возвращение во многом не последовательно и формально, тем не менее оно содержит в себе возможность дальнейшего движения к идущему от Платона к Гегелю и Гуссерлю пониманию субъекта как места становления и пребывания знания. Однако эта возможность, вполне просматриваемая и из перспективы систематической философии Бадью, оказывается для нее лишь неким недостижимым, постоянно откладываемым в будущее горизонтом мышления, поскольку субъект, как и единое, располагается в сфере недоступной созерцающему познанию.

Нам представляется, что можно констатировать наличие общего направления движения мысли А. Г. Чернякова и А. Бадью, в рамках которого современная онтологическая теория переходит от анализа $\tau\acute{o}\ \tau\acute{o}\nu\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$, обособленной сущности, к анализу $\tau\acute{o}\ \eta\nu\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ – совокупности единого-многого. Онтологическое рассмотрение $\tau\acute{o}\ \eta\nu\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ может принимать форму единичного-множественного, как, например, у Ж.-Л. Нанси, критически продолжающего традицию Хайдеггера и Деррида, или же возникать в математизированной материалистической диалектике Бадью, двигаясь в направлении, в чем-то параллельном «Пармениду» Платона. Переход от обособленности всех форм единичной свойственности (*Eigentlichkeit*) и событийности, на которых фокусировали свое внимание феноменологии гуссерлевского или хайдеггеровского типа (корректирующей критикой которых и выступает в «Логике миров» объективная феноменология), к формам единств, характерным для метафизической традиции, возвращает онтологическую мысль к ее платоновским истокам. Неслучайно, что Бадью говорит о метафизике как о необходимой составляющей части современной диалектики, а не как о том, что этой диалектике противостоит. На этом пути феноменология как способ усмотрения сущего становится объективной, а онтология математической, поскольку математика, если говорить об изначальном пифагорейском значении этого понятия, – не что иное, как исчисляющее познание отнюдь не чуждого и противоположащего нам бытия.

Платоновский жест или, в контексте уже «Второго манифеста», жесты Бадью не имеют в виду реституцию единого, речь, скорее, идет о его подвешивании в некоем пространстве коррелятивной дуальности. Это предполагает разделение или освобождение онтологии от философии (проект «Бытия и события»), а феноменологии от субъекта («Логика миров»). Вместе с тем Бадью говорит об освобождении субъекта в развертывании новых политик субъективности.

Феномен или объект у Бадью, выступая как единое-многое в себе, не является τὸ ἴδιον платонизма, так как подвешивает единое, принципиально исключая из теории инстанцию созерцания и заменяя ее инстанцией праксиса. Вместо этого в случае Бадью мы можем говорить о бесконечном стремлении субъекта от множественности к единству, что собственно и выступает в качестве ориентира для возможных практических политик субъективности, организуя их многообразие вокруг несуществующего предела или отсутствующего центра субъекта, вокруг того, что онтологически отсутствует.

Список литературы

1. Черняков А. Г. Онтология как математика : Бадью, Гуссерль, Плотин // Сущность и слово. СПб., 2009. С. 415–436.
2. Badiou A. Logic of worlds : Being and event II. N.Y., 2009. 617 p.
3. Smith B. The Limits of the Subject in Badiou's Being and Event // The Praxis of Alain Badiou. Melbourne, 2006. P. 71–101.
4. Badiou A. Being and Event. N.Y., 2005. 526 p.
5. Хайдеггер М. Цолликонеровские семинары // Логос. М., 1992. № 3. С. 82–97.

Post-Eventuality and the Subject of Absence in the Objective Phenomenology of Alain Badiou

V. G. Kosykhin

Saratov State University
Ulitsa Astrakhanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

The article considers the ontological significance of the objective phenomenology of Alain Badiou, as it is presented in his works «Logic of worlds» and «Second manifesto for philosophy». The author compares Badiou's phenomenology with the phenomenological projects of Husserl and Heidegger, noting its subjectless character. The dissolution of the ontological subject in related reaction to the events by diverse strategies implemented in the subjectivity is performed in the objective phenomenology of Badiou by eliminating of the instance of contemplation in favor of ethical and political practice. Special attention is paid to the relationship of ontology and mathematics, as well as to the analysis of the concepts of the subject and post-eventuality in the context of traditional ontological categories of the one and the multiple. The conclusion is that in the modern ontological theory of the transition from the analysis of isolated nature of the phenomenon to the analysis of a single set—much.

Key words: ontology, phenomenology, Badiou, post-eventuality, subject of absence, one, multiple.

References

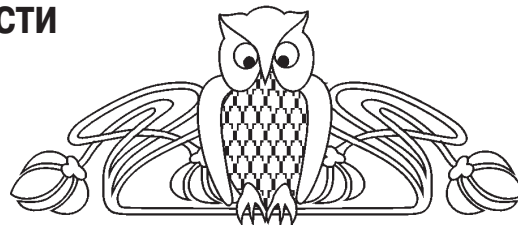
1. Chernyakov A. G. Ontologiyakakmatematika: Badyu, Gusserl, Plotin (Ontology as mathematics: Badiou, Husserl, Plotinus). *Sushchnostislovo* (Essence and a word). Moscow, 2009. Pp. 415–436.
2. Badiou A. *Logic of worlds: Being and event II*, N.Y., 2009. 617 p.
3. Smith B. The Limits of the Subject in Badiou's Being and Event. *The Praxis of Alain Badiou*. Melbourne, 2006. Pp. 71–101.
4. Badiou A. *Being and Event*. N.Y., 2005. 526 p.
5. Heidegger M. Zollikon Seminars. Protocols-Conversations-Letters. Evanston, IL, 2001, 360 p. (Khaydegger M. Tsollikonеровskiyе seminary. *Logos*. Moscow, 1992, № 3, pp. 82–97.).

УДК 130.3

СОФИЯ КАК ОБРАЗ ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

В. В. Кузнецова

Кузнецова Виктория Викторовна – аспирант
кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: virinea19@rambler.ru

В статье разбирается образ Софии как вечной женственности в концепции В. С. Соловьева, анализируются предпосылки возникновения этого образа, а также исследуется роль женственности в контексте развития русской религиозной философии. София может существовать в двух основных формах – тварной

и нетварной, в силу чего ключевой проблемой анализа философских взглядов Соловьева становится понимание того, что обе формы Софии имеют отношение исключительно к миру, отделенному от Бога. При этом нетварная София является образом божественного единства, а тварная София воплощает